

государственной безопасности и охраны руководства страны. Структура этого ведомства включила в себя Управление охраны руководящих кадров партии и правительства (6-е управление НКГБ, Управление коменданта Московского Кремля). Начиная со второй половины 1940-х гг. структура органов государственной безопасности, как показывают авторы, неоднократно подвергалась преобразованиям. Свообразными «опорными точками», которые давали импульсы для подобного рода преобразований, стали смерть И.В. Сталина, хрущёвская «оттепель», горбачёвская перестройка. Кардинальное влияние на систему государственной охраны оказали события, связанные с распадом СССР. В 1991 г. подразделения (органы) государственной охраны объединились в Главное управление охраны (ГУО) Российской Федерации. В 1996 г.

оно было преобразовано в Федеральную службу охраны (ФСО) Российской Федерации.

Как показали авторы рецензируемых исследований, органы государственной охраны России существуют не одно столетие. Их основы были заложены ещё в царский и в императорский периоды. С приходом к власти большевиков возникла необходимость использования этого опыта. Однако он использовался не в полной мере по причине физической гибели представителей старых кадров спецслужб либо их эмиграции за границу. В советское время были созданы собственные органы государственной охраны, сотрудники которых, несмотря на ряд объективных и субъективных трудностей, в целом успешно справлялись со своими обязанностями.

В.А. Невежин

Л.А. Беляев. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: Институт археологии РАН, 2013. 264 с., ил.

В настоящее время усилился интерес к истории Смуты – гражданской войны в России начала Раннего Нового времени. В последние десятилетия активизировалось изучение этого периода, поставлена под сомнение оценка Смуты как «крестьянской войны и интервенции». Благодаря исследованиям ряда учёных (А.Л. Станиславский, В.И. Корецкий, Б.Н. Флоря, А.П. Павлов, Р.Г. Скрынников, И.О. Тюменцев, А.В. Лаврентьев, В.Н. Козляков и др.) и наших польских коллег (А. Андрушевич, Т. Бохун, В. Поляк, Д. Черская, Й. Мацишевский и др.) открылась картина системного кризиса рубежа XVI–XVII столетий в двух странах-соперницах – Московском государстве и Речи Посполитой – за доминирование в Восточной Европе. Кризис перерос в гражданскую войну и завершился оформлением сословно-представительной монархии, неуклонно дрейфовавшей к абсолютизму в России и – кратким триумфом с последующим нарастанием децентрализирующих тенденций,

приведших к распаду государственности, – в Польско-Литовском государстве.

В течение летнего сезона 2008 г. ведущий российский археолог Л.А. Беляев провёл раскопки некрополя Пожарских и Хованских в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре. Опубликованная исследователем по итогам раскопок работа плодотворно сочетает результаты полевых исследований с анализом письменных источников. Археология, как демонстрирует автор, может внести вклад в реконструкцию политических событий Смутного времени, ведь, несмотря на кажущуюся репрезентативность письменных источников по истории той эпохи, загадок в ней меньше не становится. Только в 1980-х гг. А.Л. Станиславский и Б.Н. Морозов обнаружили «Повесть о Земском соборе 1613 г.», написанную современником-москвичом; в 1990-х гг. А.А. Турилов приступил к капитальному описанию находящегося в Стокгольме «оккупационного архива» Новгорода. В 2006 г. найден

и опубликован фундаментальный труд Г.А. Замятина «Россия и Швеция в начале XVII века». Российский государственный архив древних актов систематически выявляет и публикует новые документы эпохи Смуты в сериях «Памятники истории Восточной Европы XV–XVII вв.», «Акты служилых землевладельцев XV–XVII вв.» и «Русский дипломатариум».

Однако памятники материальной культуры эпохи Смуты остаются исследованными плохо и в основном бессистемно. Традиционная связь большинства из них с тем или иным историческим лицом остаётся, как правило, небесспорной. Например, идентификация обеих сабель кн. Д.М. Пожарского, поступивших в музей из Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей, не подтверждается описями последних и остаётся на совести монастырских властей XIX в. и музейных работников XX в.¹ Проведена огромная работа по изучению граффити в соборах, но не существует корпуса надписей на оружии и литургических предметах. Правда, в последнее время вкладом в «археологию Смуты» стали результаты раскопок перед восстановлением Казанского собора на Красной площади, доказавшие отсутствие его связи с храмостроительной деятельностью Пожарских, и небезызвестная спекуляция с так называемыми останками Сусанина, и начало выявления и анализа археологического материала из раскопанного в начале XX в. Тушинского лагеря.

Кажется, что мы хорошо представляем себе реалии эпохи Смуты, но внешний облик почти всех героев тех событий нам неведом. Неизвестно, как выглядели Пожарский, Минин, Ляпунов, Трубецкой, Заруцкий, Лжедмитрий II. Борис Годунов, Василий Шуйский и Филарет известны по портретам 1672 г. Поляки в несколько лучшем положении, но и у них нет портрета А. Лисовского, а изображения канцлера Л. Сапеги восходят к XVIII в. Недавно после раскопок в том же Спасо-Евфимьевом монастыре удалось реконструировать внешность Арсения Елассонского, но это можно считать счастливой случайностью, так же как и обнаружение во Львовском историческом музее огромной, 3,4×3,4 м, картины, датированной первой четвертью XVII в., «Представление гетманом

С. Жолкевским королю Сигизмунду III пленных царей Шуйских на сейме 1611 г.». Картина эта некогда принадлежала польским магнатам кн. Сангушкам, была неоднократно записана и великолепно отреставрирована в Краковском Вавеле, где сейчас и экспонируется². Лицо царя Василия Шуйского на полотне довольно хорошо видно в профиль, а время создания безвестным польским мастером этой реплики с пропавшего после 1711 г. полотна Т. Долабеллы позволяет предположить определенную степень достоверности.

В силу относительной бедности материальных источников по истории Смуты археологическое исследование некрополя князей Пожарских и Хованских представляется особенно важным. Книга Л.А. Беляева очень информативна и содержит много сведений, до сих пор отсутствовавших в историографии. Это очень разноплановая работа. В ней есть и оттенок историографического исследования, связанный с оценкой работ А.С. Уварова в 1851 г. (глава 1), и культурологические и искусствоведческие сюжеты, посвящённые анализу развития родовых усыпальниц в Московском государстве в XVI–XVII вв. Но ядро книги составляют главы, посвящённые самой усыпальнице. Необходимость проведения срочных охранных раскопок перед воссозданием над некрополем часовни-усыпальницы кн. Пожарского XIX в. в рамках юбилейных мероприятий дала археологам возможность осуществить полевые исследования, но, увы, не позволила вскрыть гробницу, определённую А.С. Уваровым как захоронение кн. Д.М. Пожарского. Однако экспедиции Л.А. Беляева удалось обнаружить немало нового.

Особенно интересны с точки зрения истории рода Пожарских «Приложение б» и те части второй и третьей глав книги, которые уточняют, на первый взгляд, мелкие, но существенные факты. Очень важны скрупулёзно проведённые уточнения надписей на плитах, позволившие установить, например, удивительное долголетие матери Д.М. Пожарского Ефросиньи–Марии Пожарской: «Лета 7148 (1640 г. – Ю.Э.) апреля в 7 день преставися раба Божия княгиня Еуфросинья Федоровна князь Михайлова жена Федоровича

Пожарскава, во иноцех скимница Евъни-
кея»³. Известно, что замуж она была вы-
дана в 1570/71 г.⁴

Не берусь оценивать архитектурно-
археологическую часть с методической
точки зрения, но значение повторно
проведённых раскопок и полученного
материала, разумеется, неоспоримо, так
же как и сравнительный анализ раскопок
1851 г. К сожалению, по не относящимся
к науке причинам автору не удалось вто-
рично произвести исследование погребения,
идентифицированного А.С. Уваровым
как могила самого Д.М. Пожарского.
Однако теперь мы знаем о погребении там
же, буквально за 6–8 месяцев до кончины
Дмитрия Михайловича, его четвероюродного
брата кн. Дмитрия Петровича Лопаты-
Пожарского, его приблизительного ровесника,
и, судя по всему, весьма близкого к
нему человека. Д.М. Пожарский был
душеприказчиком брата, духовная которо-
го хранилась у него: «А как Христос
Бог по душу мою сошлет, и я, отходя с
сего света, бью челом и приказываю тело
свое погresti у благолепнаго Преображе-
нья Спасова и у преподобного Евфимия
Чюдотворца, что в Суздале, в монастыре
у родителей своих, и душу мою строить
и поминать братьям своим боярину князю
Дмитрею Михайловичю да князю Роману
Петровичю Пожарским, да зятю своему
князю Юрию Петровичю Буйнову-Ро-
стовскому, да дочери своей княгине Марье
Дмитреевне, да племяннику своему
князю Семену Романовичю Пожарско-
му»⁵. Таким образом, единственные най-
денные А.С. Уваровым останки пожилого
мужчины-воина могут принадлежать как
национальному герою Смутного времени,
так и его кузену. Остаётся пожалеть и о
том, что не удалось пока найти плит, свя-
занных с самим Дмитрием Михайлови-
чем и его женой. Поиски родни княгини
Прасковьи Варфоломеевны пока ничего
не дали: среди сколько-нибудь заметных
персон последней четверти XVI в. отсут-
ствует имя Варфоломей. При тщательном
анализе всех земельных владений кн.
Д.М. Пожарского не удалось обнаружить
ни четверти её вотчинного или поместно-
го приданого, обязательного для девицы
из служилого сословия. Равным образом
после Смуты не обнаруживается ни одно-

го лица при дворе или на иных службах,
считавшегося родней влиятельного и бо-
гатого боярина Пожарского по жене. А в
собственности княгини было только дви-
жимое имущество – ткани, драгоценно-
сти и проч.⁶ Всё это свидетельствует о её
круглом сиротстве по крайней мере после
1613 г. и, возможно, происхождении из
кругов духовенства или купечества.

В ходе работ сотрудниками экспе-
диции были созданы скульптурные и
графические реконструкции по черепам
нескольких захороненных членов семьи
Пожарских–Хованских, но, к сожа-
лению, их невозможно идентифицировать.
Данное исследование, на мой взгляд,
вносит вклад в «реабилитацию» деятель-
ности гр. А.С. Уварова, ещё в недавнем
прошлом поносившегося с вузовских
кафедр как разорителя памятников. Со-
временные археологи вскрыли исследо-
ванный Уваровым некрополь и убедились
в бережности и аккуратности его работы.
Книга вносит весомый вклад в отече-
ственную эпиграфику – содержит анализ и
поправки к корпусу надписей некрополя
(с. 242–247), который издала в ранней
публикации, но почему-то не включила
в свою замечательную книгу Н.М. Кур-
ганова⁷. По изданию Л.А. Беляева можно
изучать большинство великолепно сфо-
тографированных надгробных досок. Это
помогло найти ответ на одну из загадок.
Архимандрит Макарий (Миролюбов) ещё
в 1857 г. в капитальном труде «Памятни-
ки церковных древностей Нижегородской
епархии» отметил в церкви села Пурех,
некогда принадлежавшего Макарьевско-
му монастырю Пожарских, семипудовый
колокол с надписью, датированной 14
ноября 1640 г.: «7149-го (1640 г. – Ю.Э.)
ноября в 14 день дан сей колокол в дом
боголепного Преображения Господа Бога
и Спасителя нашего Иисуса Христа, и
преподобного отца нашего Макария Ун-
женского чудотворца князь Василей Пет-
рович Пожарского в вотчине деда своего
боярина князя Дмитрея Михайловича
Пожарского Нижегородского уезду в Пу-
реховской волости»⁸. В настоящее время
этот колокол хранится в музее Городца,
куда попал из местного пожарного депо
в 1968 г. В одних родословиях Пожарских
упоминание этого умершего во младен-

честве внука Дмитрия Михайловича отсутствует, в других – есть. В публикации Н.М. Кургановой, описавшей надгробную плиту кн. Василия Пожарского, дата его смерти была прочтена как 1620 г., вследствие чего возникла неизвестная личность, спустя 20 лет подарившая колокол монастырю. Л.А. Беляеву удалось уточнить текст на плите: оказалось, что кн. Василий умер в 1640 г., а его отец, кн. Петр Дмитриевич, сын Д.М. Пожарского, видимо, отлил колокол, сделав богатый вклад в монастырь от имени младенца.

Всесторонне изучив надгробные доски некрополя и определив, что четыре доски вышли из одной мастерской, хотя люди, захороненные под ними, умерли в течение 50 с лишним лет, Л.А. Беляев пришёл к абсолютно верному выводу о времени переформления комплекса гробниц – моменте захоронения любимого сына Дмитрия Михайловича Фёдора в 1632 г. Тогда же князь, возможно, возвёл «палатку» – наземную усыпальницу – и перезахоронил там родителей. Гипотеза укладывается в типологическую картину: известны и другие переформления родовых некрополей знатными и влиятельными персонами этого периода (с. 92).

Таким образом, книга Л.А. Беляева – исключительно полезная, тщательная и комплексная работа, без которой в дальнейшем не обойдётся ни одно серьёзное исследование Смутного времени.

Ю.М. Эскин

Примечания

¹ Денисова М.И. Палаш М.В. Скопина-Шуйского и сабля Д.М. Пожарского // Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XIX. Именное и художественное холодное оружие XVII–XIX вв. М., 1956. С. 11.

² Wilkojc E. Siedemnastowieczny obraz Stanislaw Zolkiewski przedstawia Zygmuntowi III i krolewiczowi Wladislawowi na seime w 1611 roku poimanych carow Szujskich z Lwowskiego Muzeum Historycznego w swetle badan konserwatorskich // Hold carow Szujskich / Pod red. J. Chroszcickiego, M. Nagielskiego. Warszawa, 2012. P. 167–169. Ill. 13–16.

³ Беляев Л.А. О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского. Эпиграфические заметки // Российская археология. 2009. № 1. С. 162–165.

⁴ Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов X–XVII вв. // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002. С. 317.

⁵ РГАДА, ф. 1209 («Поместный приказ»), оп. 4, д. 5979, л. 102 об.–103.

⁶ Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 143–144.

⁷ Курганова Н.М. Надгробные плиты усыпальницы кн. Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимьевом монастыре // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С. 397–403; она же. Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007.

⁸ Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей. Н. Новгород, 1999. С. 524. Текст уточнён по подлиннику директором Городецкого музея З.С. Коноваловой, которой приношу глубокую благодарность.

И.А. Шейн. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: Научно-политическая книга, 2013. 462 с.

Прошедший 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года вызвал к жизни огромный поток литературы, посвящённой различным вопросам той достопамятной эпохи – военным, политическим, общественным, экономическим, религиозным. Исследовались не только сами события, явления и процессы, но и их отражение в общественном сознании, взгляд на войну во время её юбилеев, апелляции к ней в годы последующих военных катаклизмов, наконец, сама ис-

торическая память народа. Юбилей как бы подвёл итоги многолетнего изучения Отечественной войны 1812 года в России и показал наличие неистощимого потенциала современной исторической науки.

Итоги этого исследования оказались наглядно представленными в развернутой и сбалансированной монографии И.А. Шейна, ставшей самым представительным трудом по историографии этой войны за всю историю её изучения. Интересно, что автор не только обстоятельно